

Инка Сашке не нравилась. Впрочем, я Мишке тоже не нравилась. Точнее, нравилась не я. Но в то время мы этого точно не знали. Мы ещё надеялись. Нам было 15. Мы выходили во взрослый мир ощупью, постепенно его осмысливая и осваивая. Понимая и не понимая. Ошибаясь. Делая глупости. Планируя. Фантазируя. Мы бродили с ней

поздними вечерами по дворам, обсуждая всё вот это. А ещё, конечно, наши подростковые страдания по мальчишкам. Мишка был лёгкий и кудрявый как Пушкин. Я смотрела на его окна. Я их высчитала. Там был тёплый, почти красный свет — шторы такие. А Сашка, голубоглазый блондин, предмет Инкиных воздыханий, жил на первом этаже дома

Татьяна Рик (1967 г.р., Москва) после окончания пединститута работала в школе учителем, литературным редактором, художником в газете «Начальная школа» (приложение к газете «1 сентября»). Автор свыше 30 детских книг. В 1989 г. заболела, в 1995 г. оказалась в инвалидной коляске. Несмотря на тяжёлую болезнь, много путешествует, летала на парашюте, занималась дайвингом, танцами на колясках, водит машину. В Ватикане встречалась с Папой Римским Иоанном Павлом вторым (1995). Имеет множество наград и премий: 1-е место — Издательство «Настя и Никита» — лучшее короткое произведение для детей (2015); шорт-лист литературного конкурса «Новая детская книга» (2015); 1-й приз в номинации «Интернет-публикация» (2014); 3-е место во Всесоюзном конкурсе на лучшее произведение для детей и подростков «Книгуру» (2014); лонг-лист III Международного конкурса короткого рассказа им. В.Г. Короленко (2015); 2-е место в литературном конкурсе «Однажды в Москве» (2017); лонг-лист литературного конкурса «Новая сказка-2015»; миссис Зрительских симпатий на конкурсе красоты женщин на коляске «Миссис Независимость» (2012); учебники Т. Рик удостоены звания «Золотой фонд отечественной науки. Лучшее учебно-методическое пособие в отрасли» (2013) и др.

напротив. И её, как магнитом, тянуло к его подъезду. И мы сидели там на лавочку. И говорили. Видимо, она надеялась, что Сашка выйдет или войдёт. Или что он услышит и проникнется... Думаю, что слышно в квартире всё было отлично, если окно приоткрыто. А может, и если закрыто. Во всяком случае, однажды вышел Сашкин отец:

— Ну, вот что, Сашка не выйдет, так что идите отсюда.

Мне до сих пор нехорошо, когда я это вспоминаю. Но я почему-то думаю, что Инке ещё хуже. Это ж не я Сашку люблю. Мне, в общем, наплевать, что он подумает. Ещё мы обсуждали «мировые проблемы». Что хорошо, а что нет. Что правильно, а что некрасиво. Иногда это были совершенно абсурдные идеи. Например, мы обе собирались в пединститут. И говорили о том, что у учительницы дома всегда должен быть порядок — вдруг ученики захотят зайти?! Теперь мне эти наивные рассуждения кажутся ужасно нелепыми. Да, мы обе стали учителями. Но у меня в комнате бывает бедлам. И если я не жду гостей, я не буду их принимать. Только глупые эгоцентричные дети могут думать, что их везде и всегда ждут. Ну и вообще — теперь есть видеосвязь! Дальше я начинаю думать о Мишке. Вспоминать события нашего 9-го и 10-го класса (11-го тогда ещё не было). И становится так больно, в груди так печёт, что я не в силах вытаскивать это на поверхность. Мне хочется ухватиться за что-нибудь руками, за какие-нибудь ручки, чтобы не унесло ветром-ура-

ганом, не разорвало, не раскидало по частям... Но нет-нет, я начну с хорошего. С самого начала. Самый счастливый день был — знаете какой? В конце 9 класса мы компанией поехали купаться в Бухту Радости. Есть такое место рядом с Москвой. Был май. Цвели ландыши. И было чудесно. И мы взяли напрокат лодки. И плавали. В нашей лодке сидели я, Мишка и кто-то ещё из девочек. Я не помню уже, кто, потому что мне это было неважно. В моём ощущении мы были вдвоём, и весь мир был пронизан солнцем: и вода, и небо, и ландыши. У Мишки на джинсах были подтяжки. И какая-то тётка крикнула:

— Парень, бесстыжий, в подтяжках!

И мы долго и весело смеялись. Ничего же такого стыдного в подтяжках нет. Потом мы все вместе фотографировались. И на этой фотографии видно, что я на него смотрю. Как быстро проносится жизнь! Как непоправимо стареют лицо и тело! Как совершенно не стареет душа. Она немного мудреет, она умнеет, набирается опыта, учится справляться, но она так же хочет смеяться и радоваться. Она так же ждёт чуда. Она так же любит ландыши и небо, и солнечные лучи в реке. На обратном пути мы ехали в троллейбусе, народу было много, нас прижали друг к другу. На мне был купальник с твёрдыми пластмассовыми чашечками на груди. И этими дурацкими чашечками я упёрлась ему в грудь. И это было как-то неловко, но отодвигаться было абсолютно некуда. И тут ещё случилась такая исто-

рия. Мы почему-то не взяли билеты. Точнее, взяли, но не все. Половина компании ехала зайцами. И я, кажется, тоже. И, как назло, вошёл контролёр. Всех выручила Ленка Мамченко. Она заморочила голову контролёру. Показала ему четыре билета:

— Видите, это наши ребята: этот, этот, вон тот и тот. Видите, да? А ещё наши: вот, вот, вот и этот. А это их четыре билета, — и второй раз показала ему те же билеты. Контролёр кивнул и стал пробираться дальше. Ф-фу-у! Нехорошо, конечно! Но иначе мы бы отправились все в милицию. С тех пор я стараюсь не ездить зайцем. Не стоит оно того. А Ленка — молодец! Я бы так не смогла! Оксанка, моя подруга, в то время читала много фантастики. Она сказала: в одной книжке можно было повторять и повторять один очень счастливый день.

— Ты бы какой день повторяла? Впрочем, я знаю, не отвечай! Этот самый! Когда вы катались на лодке. Повторяла бы?

— Конечно! — сказала я.

— Но ведь надоело бы. Одно и то же, одно и то же.

— Не знаю, — я пожалала плечами. — Наверное, не скоро надоело бы. Так было прекрасно!

Когда любишь, всегда тревожишься. Мы с мамой поехали к бабушке на кладбище. Был май, тепленько, солнышко... Я протирала тряпкой чёрные кафельные плитки колумбария, стряхивала с плиты тёплую землю, и вдруг — замерло сердце. Я почему-то подумала про Мишку. Есть жизнь, есть любовь, но ведь есть и смерть. «А ведь Мишка когда-нибудь мо-

жет умереть, — почему-то пронзила меня страшная мысль. — Хоть бы с ним никогда ничего не случилось». Я тряхнула головой, отгоняя навязчивое. Всё будет хорошо.

Но от чего мне трудно писать дальше? Отчего хочется удержаться и не нырять туда, в глубину ранней юности? Там больно. Я была в него влюблена, это все видели, все знали. И он тоже, конечно. А нравилась ему — не я. Ему нравилась другая Таня, Таня Огуреенко, моя тёзка. Все говорили, что она очень красивая. Когда я была ещё мелкая и глупая, в 4 или в 5 классе, мама подружки моей, Ленки, сказала при мне:

— Вот Таня Огуреенко у вас в классе такая красивая!

— Я тоже красивая, — брякнула я.

И сразу почувствовала, что не надо было.

— Ты симпатичная, — сказала Ленкина мама. — А Таня Огуреенко — редкой красоты, она особенная. Ей равных нет.

Ей равных нет, поэтому, если Мишке нравится Таня, то у меня шансов — тоже нет. Другое дело, что я не сразу это поняла. Что я ему не нравлюсь. Что ему нравится она. Я совершила несколько дурацких поступков. И он знал о моей любви. И старался от меня вежливо уворачиваться. Однажды я позвонила Мишке и попросила тетрадку по физике. И сказала, что зайду за ней. Он сказал, что тетрадку даст и что он сам её занесёт, потому что как раз сейчас ему нужно зайти к одному своему приятелю.

— К Серому? — спросила я.

— Ага, к Серому, — легко согласился он. Договорились, что я спущусь на 1-й этаж, а он занесёт тетрадку и отдаст мне прямо в подъезде. Так всё и было. Я забрала тетрадь и поднялась домой.

— Это он тебя по носу щёлкнул, — сказала мама. — Ни к какому Серому он не шёл. Просто он не хотел, чтобы ты к нему заходила домой.

Наверное, он правильно сделал. Но отчего так больно от всего этого 35 лет спустя? Я пишу это и, кажется, краснею. Ещё одна дурацкая история. Мы ставили спектакль. И у нас с Мишкой была сцена. И мне очень хотелось, чтобы он обнял меня за плечи. По сценарию это можно было делать, а можно было и не делать. Мы репетировали в классе. И я закрыла дверь на ключ. Слова свои он говорил исправно, но обнимать не стал. Я тогда ещё не знала, что ему нравится Таня Огуреенко. И опять сейчас, когда я это пишу — целую жизнь спустя — мне стыдно и грустно.

И ещё одна история, ужасная. Была вечеринка, у него дома. Кажется, его день рождения. Ноябрь. Мы всем классом (ну, не всем, а кто пришёл) танцевали, что-то немножко ели, немножко пили какое-то вино. И страшно гордились, что мы взрослые. И танцевали. Я его пригласила. И когда танцевали, я прислонилась щекой к его щеке. А он отстранился. И это один из самых тяжёлых и горьких моментов моей жизни. Мир раскололся на тысячу острых чёрных осколков. Кровь ударила в лицо. Меня отвергли. Меня не любят. И никогда не полюбят. Никогда!

— Ну, ты что? — сказала Мишке Надя. Негромко, но я слышала. — Она же ночью спать не будет!

Идти домой мне было недалеко — два подъезда. На мне были резиновые сапоги на носок. А под ногами — лёд. Первый лёд. К ночи асфальт обледенел. В нём отражались фонари. И внутри мне было так же холодно, как снаружи.

О, но у меня есть другая история, утешительная. Прошёл год, мы закончили школу; прошёл ещё год и ещё... Два с половиной года или даже три. Мишка отслужил армию, вернулся и почему-то пригласил меня на свидание. Я пришла. В красивом мамином платье, шёлковом, с чёрно-белыми пятнышками и нарядным отложным воротником, перетянутая лаковым поясом, в облаке золотистых волос. Я сама себе казалась красивой. Был прекрасный солнечный день. Мы отправились на Чистые пруды, бродили там, а потом пошли в кино, на «Андрея Рублёва». И в кино он меня обнял за плечи. Но было бесконечно поздно. Я замерла. Я думала, что вот если бы тогда, тогда — я просто умерла бы от счастья. А сейчас мне всё равно. Я так долго, так мучительно изживала эту любовь! Я даже смотрела на окошко и думала, что будет, если я?.. Как мир будет без меня? Если так больно жить, когда тебя не любят. Но какая-то сила держала меня. Я не сделала никаких глупостей. Я стиснула зубы и пережила. И к тому моменту, когда он обнял меня за плечи, я уже была влюблена в другого человека, вполне хорошего... Да, так бывает...

А тогда он всё-таки закрутил роман с Таней Огуреенко. А до этого она встречалась с Сашкой, который так нравился Инке. Как-то зимним утром я вышла из подъезда — в школу. И встретила Мишку. Он почему-то шёл не в школу, а домой. Сказал, что забыл физкультурную форму. Он был такой красивый, что у меня перехватило дыхание и выступили слёзы. У меня уже не было надежды. Но я просто зажмурилась, какой он был неожиданно-красивый.

Оказалось, он был у Тани. И она шутки ради накрасила ему ресницы...

А весной произошло вот что. У меня порвались колготки. Наши дурацкие школьные стулья вечно были кем-то ободраны, и сделать зацепку ничего не стоило. Ну, и, конечно, от дырки вверх и вниз побежали дорожки. Колготки у меня были так себе, слишком плотные, не очень уж элегантные, но всё-таки вполне взрослые, женские. В то время купить колготки, как и многое другое, было не так-то легко. И не так чтобы дёшево. Итак, мне предстояло ходить с дыркой, а у нас было какое-то мероприятие. И драные колготки в него никак не вписывались.

— Пойдём, я дам тебе колготки, — сказала мне Таня. — У меня дома есть запасные.

— Это как-то неудобно, — пробормотала я.

— Ну, что — я не могу один раз в жизни подруге колготки подарить?

И мы пошли к ней домой. Танин папа был лётчик. Он летал за границу, привозил оттуда одежду и обувь.

А хорошую одежду и обувь достать в то время было сложно-пресложно. Можно было стоять в очереди много часов, но так и не купить. А ещё у Таниного папы официально бывали чеки, на них обменивали доллары. Только на них можно было купить что-нибудь дефицитное в магазине «Берёзка». А у обычных людей чеков быть не могло. Менять доллары на рубли тоже было нельзя. За это можно было в тюрьму сесть. Когда мы все озадачились выпускными платьями, Таня спокойно сказала, что она не волнуется, платье ей, разумеется, купят «в «Берёзе»». И да — платье у неё потом было отличное, нежно-персикового цвета, из какой-то прекрасной шелковистой ткани, очень модного фасона. Но моё платье мне тоже нравилось. Оно хорошо на мне сидело, так что я была довольна и рада. Я не завидовала. Что завидовать, если у нас нет и быть не может чеков для «Берёзки»? Но — колготки. Дома никого не было. Колготки — целая упаковка — хранились в шкафу. А шкаф оказался заперт. И ключа от шкафа нигде почему-то не было. Знаете, что сделала Таня? Притащила из кухни топор и подцепила им заднюю стенку шкафа, оргалитную. Мелкие гвоздики вылезли, и стенка поддалась. Стали видны ярко-синие коробочки. Таня выудила одну из них и приколотила стенку шкафа назад. Обухом топора.

— Переодевай.

Колготки оказались тонкими, очень красивыми. Такого приятного цвета, нежного. А мои были жёлтые, как ноги покойника.

— Знаешь, — неожиданно сказала Таня, — я тебе немножко по-хорошему завидую.

— Почему? — удивилась я.

— Ты умеешь любить по-настоящему. Мне вот нужно из парня сделать тряпку. А потом уже неинтересно.

— Зачем? Зачем делать тряпку?

— Не знаю. Мне почему-то это нужно. А вот так любить, как ты — искренне — я не умею. Не получается.

И вот, казалось бы, надо радоваться. Я бы и радовалась, но ведь Мишке моя та самая «искренняя» любовь не пригодилась. А статья тряпкой почему-то — да. Ещё я хорошо помню наши поздравлялки. 23 февраля мы всегда поздравляли мальчишек, а 8 марта они поздравляли нас. И если мы их хорошо поздравили, нам подарят тоже что-то приятное. Такие подарки каждый раз были тайной-сюрпризом. И это само по себе было удовольствием — готовить подарки. Мы мальчишкам в последнем классе запузырили поздравление от племени индейцев. Я написала сценарий, получилось очень смешно. Разыграли мы нашу сценку на физике. Физик, Владимир Михайлович, разрешил. Ленка Башарова была идолом, она сидела по-турецки прямо на столе. Лоб перевязан верёвочкой. А мы, другие девчонки, были племя. Также с верёвочками на лбу. Я пояском завязала голову, белым, от платья. Мы возносили идолу молитвы. Сначала он молчал.

— Молчит идолище! — объявила я.

Тогда мы принесли ему в жертву Димку. За руки-за ноги притащили и положили к подножию стола. Димку

выбрали не зря — он Ленке нравился. Тогда идолище сжалилось над индейским своим народом — стало что-то говорить. Хотя я и писала сценарий, но теперь подробности уже не помню. Вот балда, да? Сейчас было бы интересно. Потому что весело. В разгар идолопоклонничества в класс вошла директриса. Она у нас была строгая. Мы замерли. Башарова чуть со стола не свалилась. А директриса сложила ручки на груди и сказала: «Аминь!» И мы все расхохотались. А 8 марта мы отмечали в кабинете литературы, в нашем, где обитала наша классная руководительница. Мишкина родная тётя, Инна Дмитриевна. Мальчишки купили всем нам, девчонкам, по бутылочке «Байкала» — это такая сладкая газировка — вроде «Пепси», потому что «Пепси» у нас тогда не продавалась. Были ещё конфетки и, кажется, пирожные. И каждой — какой-то свой, индивидуальный подарок. Мне подарили книжку Фейхтвангера «Гойя», а в неё была вложена объёмная японская открытка с поездом. А на ней — поздравление. Я была очень рада! Но Инна Дмитриевна почему-то рассердилась и отругала Мишку при всех, что, мол, устроили из урока «попойку». Хотя никакая это не попойка. А просто угощение. И мы всё съели быстро. От урока ушло не больше 10 минут. А потом была литература, как всегда. Наверное, у классной что-то случилось, если она разозлилась на ровном месте. Этот март, с талым снегом и первым жёлтым, как растаявшее масло, солнцем, был счастливым. Пах

прохладным ветром, бежал под ногами ручейками, хлюпал лужами. И обещал, что в жизни ещё будет много хорошего. И хотя Мишка меня не любит — но вот книжку подарил, старался. Мы же всё-таки друзья. Ну, и вообще, даже если тебя не полюбили, жизнь, оказывается, не заканчивается. Можно и ещё пожить. Кто знает, что там дальше будет... Дальше был выпускной. Потом институт. Мишку из института призвали в армию. Через два года он вернулся. Про наше свидание я уже рассказала. Изредка мы сталкивались во дворе — мы же жили в одном доме.

А потом я узнала, что он пропал. То есть совсем. Без вести. Была перестройка, бандитское время. Мне сказали, что он поехал на машине «бомбить», то есть зарабатывать частным извозом, таксовать. Тогда многие так делали. Даже вроде не один поехал, с другом. И всё. Ни машины, ни людей.

А Сашка, наш Сашка, который жил — да и сейчас живёт — на 1-м

этаже, стал милиционером и работал в Московском уголовном розыске, как раз в том отделе, где ищут пропавших людей. И он искал Мишку.

— Мы сделали всё, что только могли, — сказал он мне потом. — Никаких следов.

Я однажды видела издалека Мишкину маму. Она была совсем седая. Мишка у неё был один. Однажды он мне приснился. Кудрявый — как Пушкин. И мне хотелось спросить его, где он. Когда человека нет, нельзя даже свечку поставить за упокой. А вдруг он где-то живой? И нигде нет места, где я могла бы вытереть тряпкой чёрные кафельные плитки. Но я верю, что существует место, где он есть. Какая-то его собственная Бухта Радости. И это мы здесь стареем. А он там — такой же, как был. Лёгкий, худенький, кудрявый.

Там можно взять напрокат лодку, там мир пронизан солнцем: и вода, и небо, и ландыши... Я надеюсь, что ему там светло.